

Глава 5. Сначала обед

Цинь Фань только собрался официально просить старика принять его в ученики, как тишину двора бесцеремонно нарушило громкое урчание. У старика в животе явно шла своя, весьма бурная дискуссия.

Цинь Фань невольно усмехнулся про себя: «Надо же, за один день — и сразу два голодных духа!»

Взглянув на заходящее солнце, он понял, что время и впрямь близится к ужину. Парень медлить не стал.

— Дедушка, вы погодите немного, я сейчас мигом всё соображу! — бодро бросил он.

Под ошеломлёнными взглядами Цзян Хэна и Хромого Чжана он по-хозяйски уточнил, где здесь кухня, и скрылся за дверью.

Цзян Хэн первым пришёл в себя. Немного подумав, он принялся молча наводить порядок в захламлённом дворе.

Хромой Чжан лишь приподнял бровь. Не говоря ни слова, он уселся на колченогий стул и, хитро прищурившись, забил свою трубку.

На кухне Цинь Фань первым делом поставил вариться рис. Пока тот доходил, он заглянул в холодильник. С овощами было ещё ничего, а вот с мясом — беда, нашёлся только комок замороженного фарша. Поразмыслив, Цинь Фань подхватил таз, кухонный нож и вышел во двор.

Он заметил наглого петуха и, прежде чем птица успела сообразить, в чём дело, ловко сцапал её за крылья.

— Ко-ко-ко! — Петух отчаянно вытянул шею, пытаясь возмутиться такому произволу.

Птицу-то Цинь Фань поймал, но рука никак не поднималась. Он примерялся и так, и эдак, но лезвие замирало в паре сантиметров от перьев.

Тут к нему подошёл Цзян Хэн. Он молча присел на корточки, выхватил из рук парня петуха и нож. Блеснула сталь, голова птицы безвольно поникла, и густая кровь ровной струйкой потекла в подставленный таз. Бедолага даже пискнуть не успел, как отправился в мир иной.

Действовал Цзян Хэн так споро и решительно, что у Хромого Чжана, наблюдавшего со стороны, едва трубка изо рта не выпала. «А парень-то с характером, — подумал старик, — рука

не дрогнула».

— Иди готовь, — бросил Цзян Хэн, продолжая спускать кровь. — И поставь греться кастрюлю воды, общипать надо.

— Понял! — Цинь Фань мигом скрылся на кухне.

Старик проводил его взглядом и снова посмотрел на Цзян Хэна. Он с интересом наблюдал за тем, как слаженно работают эти двое, и легонько постукивал пальцами по колену в такт каким-то своим мыслям. «Хорошие ребята, ох хорошие...»

Когда с ошипыванием было покончено, Цзян Хэн передал тушку Цинь Фаню, а сам вернулся к уборке двора.

На кухне Цинь Фань разделался с петухом в три счёта. За годы жизни у приёмных родителей он так наловчился готовить, что мог бы накормить роту солдат. Его стряпня была настолько хороша, что родители порой звали коллег и друзей специально «на Цинь Фаня».

В десятом классе они даже всерьёз подумывали забрать его из школы и пристроить помощником повара в какой-нибудь ресторан — мол, зачем таланту пропадать, да и лишняя копейка в доме не помешает.

К счастью, Цинь Фань всегда был в числе лучших учеников школы. Классный руководитель, не желая терять такого одарённого парня, лично пришёл к ним домой и убедил родителей оставить его в покое до окончания учёбы.

Правда, сейчас Цинь Фань чувствовал перед учителем вину. Тот возлагал на него такие надежды, а он взял и сбежал из дома в середине одиннадцатого класса...

Но, подумав об этом, Цинь Фань вдруг улыбнулся. Что бы там ни осталось в прошлом, теперь его жизнь принадлежала только ему! На душе стало так легко и привольно, что он невольно начал напевать под нос незамысловатый мотив.

Хромой Чжан во дворе прислушался. Мелодия была ему до боли знакома — это был отрывок из «Песен великого спокойствия». Цзян Хэн тоже уловил мотив и едва заметно улыбнулся.

«У этого мальчишки дыхание должно идти из самой глубины, — подумал старик. — Послушайка, как это звучит на самом деле».

«Красота Ханчжоу не имеет равных под небесами, на берегах Западного озера травы дивные да цветы благоухают все четыре сезона...»

Слушая этот до боли родной напев и вдыхая ароматы из кухни, старик смотрел на тонкую струйку дыма над крышей, на пылающий закат и стаю голубей, возвращающихся в голубятню. На мгновение ему показалось, что время повернуло вспять. Он глубоко затаился, стараясь подавить внезапно подступившую горечь воспоминаний.

Запахи еды становились всё соблазнительнее. Цзян Хэн к этому времени уже вымел двор дочиста и аккуратно расставил все вещи по местам. Он вынес на середину двора небольшой квадратный стол и тщательно протёр его влажной тряпкой. Мысли у него были те же, что и у Цинь Фаня: примет их старик или нет — вопрос второй, а вот проявить уважение к старшему нужно обязательно.

Закончив со столом, он притащил три маленькие табуретки и присел на одну из них, ожидая команды к обеду. Хромой Чжан не обращал на него внимания, медленно потягивая дым из трубки.

— Готово! Обедать! — донёсся весёлый голос Цинь Фаня.

Он вышел из кухни, неся в руках две большие тарелки. Цзян Хэн тут же подхватился и скрылся в дверях, чтобы через минуту вернуться с остальным.

Стол буквально преобразился. Цинь Фань не поскупился: на столе дымились огромная миска тушёного петуха с грибами, тарелка золотистых «шаров счастья» — мясных тефтелей в густом соусе — и гора жареных яиц с зелёным перцем. Блюд было всего три, но порции были такими внушительными, что стол казался ломящимся от яств.

Хромой Чжан принялся. Аромат был просто божественным.

— Ну что, дедушка, прошу к столу! — Цинь Фань уже вовсю раскладывал рис по мискам.

Старик кивнул, поднялся и сел на табуретку. Он постучал трубкой о край стола, вытряхивая пепел:

— В холодильнике там бутылка стоит. Давайте-ка, плесните старику, да и сами пригубите.

Услышав это, Цзян Хэн мигом принёс спиртное. Цинь Фань довольно заулыбался.

Стоило Хромому Чжану съесть первый кусок нежного куриного мяса, как он блаженно прикрыл глаза. «Да этот малый готовит не хуже шеф-повара в хорошем ресторане! — восхитился он про себя».

Правда, в голове шевельнулось сомнение: с такими руками парню бы в рестораны идти, а не в юмористы. Но не успел он додумать эту мысль, как заметил, что Цзян Хэн уже умял первую порцию риса.

Бедолага Цзян Хэн добирался до Имперской столицы почти как беженец: у него украли и кошелек, и телефон, и он в одночасье превратился в настоящего бродячего музыканта. Если бы не та булка, которую Цинь Фань скормил ему днём, он бы, верно, уже в обморок упал. Поэтому сейчас он ел так, будто видел еду в последний раз.

Цинь Фань тоже не отставал. В доме приёмных родителей мясо видели по праздникам, и уж точно никто не позволял ему наесться до отвала. Фарша оказалось много, и он налепил огромных мясных шаров, один из которых сейчас с упоением грыз, подцепив палочками.

«Да уж, — подумал он, — сам себе завидую, как же вкусно вышло!»

Хромой Чжан замер с палочками в руках, глядя на этих двух «проглотов» с помесью удивления и смеха.

«Неужто это мои будущие ученики? — мелькнула мысль. — Да они же меня объедят! Хотя... с другой стороны, раз они теперь будут за мной ухаживать, то пусть едят. На сытый желудок и работается лучше».

Вскоре от горы еды не осталось и следа. Даже в рисоварке не завалялось ни единого зёрнышка. Старик откинулся назад, поглаживая живот с таким чувством удовлетворения, которого не испытывал уже очень давно.

— Дедушка, ну как вам обед? — спросил Цинь Фань, откладывая палочки и хитро улыбаясь.

— Ха! Лучше и быть не могло!

Услышав это, Цинь Фань и Цзян Хэн довольно переглянулись. Обед закончился, и ребята принялись быстро убирать со стола. Старик не мешал им, он вернулся в своё плетёное кресло и снова раскурил трубку.

Когда во дворе снова воцарился порядок, Цинь Фань и Цзян Хэн притащили табуретки и уселись прямо перед Хромым Чжаном.

Глядя на них, старик усмехнулся:

— Ну, рассказывайте теперь о себе. Кто такие, откуда взялись?

Первым начал Цинь Фань. Он рассказал всё: честно, без утайки, и про своё сиротство, и про то, почему его так тянет на сцену.

— Приёмные родители не могли иметь детей, поэтому взяли меня из приюта, когда я был совсем маленьким. Но не прошло и трёх лет, как у них родился свой сын. С тех пор всё изменилось. Относиться ко мне стали... по-другому. Но мне нужно было как-то выживать, понимаете? Поэтому я взялся за дом: нянчился с братом, стирал, готовил. Терпел всё — лишь бы из дома не выгнали. Даже когда били, когда орали последними словами — я помалкивал и сносил.

Лицо Цинь Фаня оставалось спокойным, но от его слов по коже пробежал холодок.

— И ты никогда не думал о побеге? — нахмурившись, спросил Цзян Хэн. Только сейчас он заметил едва заметный шрам у глаза парня и понял, какая жизнь скрывается за этой весёлой улыбкой.

— Думал, конечно. Но я не мог оставить брата и сестрёнку. — Цинь Фань на мгновение опустил глаза, но тут же снова широко улыбнулся. — Зато теперь брат подросток, окреп. Надеюсь, сможет защитить мелкую, если что.

— Учился я хорошо, даже очень. Но частенько сбегал с уроков в интернет-кафе, чтобы послушать сяншэн. Мне так это нравилось, до дрожи! И я пообещал себе: когда-нибудь я тоже буду стоять на сцене и смешить людей. А потом... потом я просто сорвался и приехал в Имперскую столицу.

Цинь Фань рассмеялся, словно подшучивая над собственным порывом. Видимо, новость о наборе в «Зал Счастья и Праздника» стала той самой последней каплей, или же его просто окончательно допекла очередная порция «воспитания» от приёмного отца. Так или иначе, Цинь Фань взбунтовался. Он оставил дом, в котором прожил больше десяти лет.

Выслушав его, Хромой Чжан не проронил ни слова. Он лишь молча кивнул. Говорит парень чётко, мысли излагает ясно — это хорошо. А то, что жизнь потрепала... так в их деле без шрамов на душе редко кто обходится.

Цинь Фаню же жалость была не нужна. Он твёрдо решил: с этого дня он будет жить так, как хочет сам, и больше никогда не позволит никому лишить его радости.

— А ты не боишься, что родители тебя найдут? — Цзян Хэну было искренне любопытно, как этот парень решился на такой шаг.

— Ха! — Цинь Фань гордо вскинул подбородок, и в его взгляде промелькнуло лукавство. — Мои приёмные родители — последние люди на свете, кто кинется меня искать. Они даже в полицию заявлять не станут. Знаешь почему? Лицо побоятся потерять!

«Как это так, — скажут соседи, — столько лет растили сына, а он взял и сбежал?» Для них это позор невыносимый. Скорее всего, будут всем врать, будто я на заработки уехал в другой город. Им проще этот горький комок самим проглотить, чем признать правду.

Цзян Хэн невольно улыбнулся. А этот парень не прост — всё просчитал заранее.

Хромой Чжан тоже едва заметно усмехнулся. Мозги у малого работают как надо, соображает быстро.

Затем старик повернулся ко второму гостю:

— Ну а ты? Что расскажешь, Цзян Хэн?

Цинь Фань весь обратился в слух. Ему и самому было жутко интересно узнать побольше о своём новом товарище.

Хоть Цзян Хэн и выглядел сейчас потрепанным и неприкаянным, было в нём что-то благородное. Чистый взгляд, тонкие черты лица... Если бы он сейчас отмылся и приоделся, Цинь Фань легко бы поверил, что перед ним какая-нибудь заезжая поп-звезда.

<http://bllate.org/book/17504/1650093>